

Ю.А. Морфесси

Жизнь, Любовь, Сцена
Воспоминания Русского баяна

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Ю11

Ю11 **Ю.А. Морфесси**
Жизнь, Любовь, Сцена: Воспоминания Русского баяна / Ю.А. Морфесси – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 208 с.

ISBN 978-5-517-98127-1

ISBN 978-5-517-98127-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Посвящаю моей жевѣ —

Валентицѣ Васильевнѣ.

Пѣсни веселыя,

Пѣсни завѣтныя,

Пѣсни любви и печали.

Это было давно...
Я не помню, когда это было...
Процеслись какъ видѣнья
И канули въ вѣчность года,
Утомленное сердце о прошломъ
Теперь позабыло.
Это было давно...
.....
.....

А. Апухтинъ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Я — правнукъ греческаго пирата. Мой отецъ и его трагическая смерть. Я съ восьми лѣтъ зарабатываю свой хлѣбъ. Тихіе успѣхи въ наукахъ. Первые разочарованія. Въ Америку «за скальпами краснокожихъ». Я — малолѣтній, мой рубль и взрослый мошенникъ. Батистини обо мнѣ, и я о Батистини.

Годъ жизни исполнился мнѣ, когда отецъ и мать привезли меня изъ Афинъ въ Одессу, навсегда перекочевавъ изъ Греціи въ Россію. Отецъ мой, Спиридонъ Морфесси, былъ талантливый и разносторонній диллетантъ. Обладая феноменальнымъ голосомъ, онъ прекрасно пѣлъ, но никогда не выступалъ публично.

Диллетантомъ былъ онъ и въ адвокатурѣ. Диллетантомъ былъ и въ журналистикѣ, помѣщая время отъ времени статьи въ газетѣ «Новороссійскій Телеграфъ», которую издавалъ и редактировалъ личный другъ отца, отставной гвардейскій офицеръ Озмидовъ.

Такъ-же дипломатски исполнялъ отецъ полудипломатическія обязанности греческаго вице-консула; консуломъ-же тогда былъ извѣстный одесскій миллионеръ Родоконаки.

Это любительство во всемъ было такимъ типичнымъ для артистической природы отца, природы неуслышанной, буйной, тосковавшей по сильнымъ ощущеніямъ и, за отсутствіемъ таковыхъ, искавшей забвенія отъ лѣнивыхъ будней южнаго провинціального города въ кутежахъ и загулахъ.

Судьба, точно смилостивившись, послала ему не будничныи конецъ. Онъ погибъ трагически, погибъ на морѣ въ такую бурю, когда гибли большіе пароходы, а на сушѣ съ корнями выворачивались вѣковыя деревья.

Необходимо добавить: отецъ, какъ и я, не умѣлъ плавать, но съ тою разницею между нами въ данномъ случаѣ, что я безумно люблю море, отецъ-же его терпѣть не могъ. Прогулка подъ парусами, стоявшая ему жизни, была едва-ли не единственнымъ за его жизнь «морскимъ путешествіемъ»...

Когда это стряслось, мнѣ шелъ девятый годъ. Съ изумительной четкостью врѣзался мнѣ въ память рассказъ челоуѣка, на чьихъ глазахъ мой отецъ пошелъ ко дну.

Это былъ капитанъ частнаго пароходства — иѣ что совершенно стихійное по размѣрамъ и физической силѣ. Къ сожалѣнію, моя память не удержала его фамиліи. Въ одно изъ воскресеній мой отецъ, капитанъ и еще какой-то полу-рыбакъ, полу-матросъ, взятый для ухода за парусомъ, вышли на лодкѣ въ открытое море съ тѣмъ, чтобы, вдоволь надышавшись бодрящимъ соленымъ воздухомъ, вернуться въ Одессу ко второй половинѣ дня.

Чарующій воздухъ, восходъ солнца сулили одно сплошное удовольствіе. Спутники, привлекиши къ откѣту корзинку съ напитками и снѣдью и плотно позавтракавъ, уже начали подумывать о возвращеніи.

За десятки верстъ воздушнымъ миражемъ поднималась изъ морской глади красавица Одесса...

Капитанъ озабоченно всматривался въ чуть замѣтную точку въ безпредѣльной лазури небесъ. Только его профессиональный глазъ могъ усмотрѣть ее, эту точку, и понять ея зловѣщее значеніе. Капитанъ заволновался и заторопился.

— Въ чемъ дѣло? — допытывался отецъ.

— Будетъ большая буря.

— Э, какая тамъ буря! Такъ тихо! На небѣ ни облачка!..

Но уже черезъ нѣсколько минутъ появилась черная туча, а еще черезъ нѣсколько минутъ такими же тучами заволокло небеса отъ края до края. Какъ исполнинское чудовище съ тяжелыхъ цѣпей сорвалась буря. Дали очень опасный при данныхъ обстоятельствахъ поворотъ черезъ фордевицъ. Моментъ, и какъ дѣтскій корабликъ, перевернуло лодку. Всѣ три спутника очутились въ бѣшенно кипящей водѣ. За лодку нельзя было ухватиться — она тотчасъ же пошла ко дну: къ ея мачтѣ было привязано для балласта два мѣшка съ пескомъ. Слабосильный и уже въ годахъ полу-матросъ, полу-рыбакъ утонулъ первымъ... Мой отецъ, хотя и не умѣвшій плавать, съ такимъ безумнымъ отчаяніемъ боролся за свою жизнь, что ему удалось отвоевать нѣсколько минутъ у смерти. Думая какъ нибудь помочь старому другу, капитанъ подплылъ къ отцу и попридержалъ его на водѣ... Отецъ, уже теряя сознаніе, подобно всѣмъ утопающимъ, такъ вцѣпился въ рубашку капитана — клещами не разнять было бы его заокостенѣвшихъ пальцевъ.

— Спасти моего Спиридона нельзя было, — рассказывалъ потомъ капитанъ, — оставалось одно изъ двухъ: либо мы вмѣстѣ погибнемъ, либо представлялась возможность, да и то весьма гадательная, мнѣ одному уцѣлѣть. Я перекрестилъ его и, захлебываясь уже, разорвалъ пополамъ свою рубаху: никакъ нельзя было иначе освободиться отъ вцѣпившагося въ нее Спиридона. Такъ онъ бѣдняга и скрылся подъ во-

дою, зажавъ доскутъя моей рубахи... а я вступилъ въ отчаянную борьбу съ волнами.

Пять часовъ продолжалась эта борьба. Обезси-
лѣвъ, капитанъ на мигъ терялъ сознанье, страшнымъ
напряженіемъ воли возвращалъ его себѣ и вновь от-
стаивалъ свою жизнь. Только къ вечеру, безчувствен-
ный, онъ подобранъ былъ какимъ-то парусникомъ...

Да, чуть не упустилъ очень важную для меня по-
дробность. Капитанъ говорилъ, что послѣдней фра-
зой моего тонушаго отца было:

— Господи, что ждетъ моего Юрія!..

Въ этихъ словахъ его была тревога за мою участь.
Отецъ мой былъ грекъ, а у грековъ, суевѣрныхъ, какъ
большинство народовъ Востока, неискоренимо слѣду-
ющее повѣріе: если отецъ умеръ неестественной смер-
тью, точно такой же смертью погибнетъ и его сынъ...

Пока Господь Богъ хранить меня не только на
твердой землѣ, но и на невѣрно - обманчивомъ морѣ!
Именно хранить.... Тонуть же и весьма основательно
приходилось три раза. Но объ этомъ въ свое время,
попозже.

Въ тѣ далекіе, спокойные годы, пожалуй, очень
рѣдко начинали люди въ такомъ раннемъ возрастѣ
получать жалованье и не только зарабатывать свой
хлѣбъ, но и поддерживать семью, какъ это было со
мною.

По рассказамъ матери, мы когда-то были очень
богаты. Мы вели крупную торговлю хлѣбомъ и для
перевозки его имѣли собственные пароходы. Случи-
лось такъ, что мы въ одинъ день потеряли громадный
грузъ хлѣба и нѣсколько пароходовъ, и превратились
почти въ бѣдняковъ.

Давно я это слышалъ и въ точности не могу объ-
яснить всего происшедшаго, но было это приблизи-
тельно такъ: въ дни русско - турецкой войны изъ ка-
кихъ-то стратегическихъ соображеній нашей же рус-

ской артиллеріей транспорты двухъ торговыхъ фирмъ, Морфесси и Капарі — это двѣвчья фамилія моей матери, — были потоплены. Зачѣмъ это понадобилось? Для того-ли, чтобы закрыть доступъ турецкимъ судамъ въ какой-нибудь портъ, для того-ли, чтобы хлѣбъ не достался непріятелю, — не могу сказать. Да и не это, въ концѣ концовъ, важно, а важно то, что, во-первыхъ, казна, обѣщавшая возмѣститъ намъ убытки, таковыхъ не возмѣстила, а затѣмъ, во-вторыхъ, какъ я уже сказалъ, все наше богатство въ одинъ день пошло ко дну. Море не было къ намъ милостиво. Сначала оно отняло у насъ средства къ жизни, а спустя какихъ-нибудь двадцать лѣтъ, отняло у меня и отца...

Хотя это же самое море въ теченіе долгаго времени баловало, осыпая милостями и щедротами дѣда моей матери, знаменитаго въ свою эпоху пирата нѣсколькихъ морей: Чернаго, Эгейскаго и Средиземнаго. Семья Капарі не была въ этомъ отношеніи исключеніемъ. Богатѣйшія и знатнѣйшія греческія семьи, обосновавшіяся въ Одессѣ, были потомками такихъ же пиратовъ, какъ и мой прадѣдъ. Назову наудачу нѣсколько фамилій: Родоконаки, Ралли, Севастопуло, Вергопуло, Маразли, Анатра, Базили, Аргиропуло, Алфераки. Впрочемъ, относительно Анатра я, пожалуй, правъ только наполовину: Анатра, дѣйствительно, потомки пиратовъ, но только не греческихъ, а сицилійскихъ.

Многія изъ приведенныхъ мною семей, прадѣды которыхъ обогатились за счетъ купеческихъ кораблей, преуспѣли и на русской государственной службѣ, и въ смыслѣ придворныхъ званій. Маразли кончили свою жизнь одесскимъ городскимъ головою и камергеромъ. Блестящей дипломатической карьерѣ одного изъ Базили помѣшала революція. Ахилессъ Николаевичъ Алфераки занималъ высокій постъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Одинъ изъ Севастопуло былъ въ Парижѣ совѣтникомъ Императорскаго посольства и замѣнялъ часто хворавшаго посла.

Относительно моего прадѣда ходило много цвѣ-

тистыхъ легендъ. И легендарна была его бригантина съ экипажемъ изъ пятидесяти отчаянныхъ головорѣзовъ. Не ограничиваясь грабежомъ торговыхъ и пассажирскихъ кораблей, страшный Капари производилъ десанты не только на левантскихъ, но и на испанскихъ берегахъ.

Ребенкомъ я слышалъ, что въ пещерѣ одного изъ скалистыхъ и голыхъ острововъ Эгейскаго моря прадѣдъ мой хранилъ несмѣтные сокровища: боченки съ золотой монетою, ларцы съ драгоценными камнями и дорогую домашнюю утварь...

Ничего удивительнаго въ этомъ нѣтъ: такія уединенныя пещеры замѣняли пиратамъ банки и сейфы. Какъ кстати пришедея бы теперь одинъ изъ этихъ боченковъ съ золотомъ, или одинъ изъ ларцевъ съ изумрудами и жемчугами! Сожалѣнія столь же позднія, сколь и бесплодныя... Поэтому вернемся къ моему дѣтству.

Я выше упомянулъ о томъ, что съ восьми лѣтъ началъ зарабатывать хлѣбъ, прибавлю еще: тѣмъ же самымъ, чѣмъ и теперь — своимъ голосомъ. Одновременно съ моимъ поступленіемъ въ одесское греческое коммерческое училище, я былъ принятъ регентомъ Макавѣевскимъ въ хоръ училищной церкви. Это давало мнѣ двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ, — въ то время жалованье маленькаго чиновника. Но такъ какъ вмѣстѣ съ нашимъ церковнымъ причтомъ я исполнялъ въ частныхъ домахъ разныя требы, то мнѣ въ общемъ набѣгало около сорока рублей въ мѣсяцъ. Кое-гдѣ намъ платили еще и натурой. Однажды я, изнемогая подъ бременемъ своей ноши, притащилъ цѣлый мѣшокъ съ булками, кределями, сдобнымъ тѣстомъ. Я былъ на седьмомъ небѣ. Мать пришла въ ужасъ. Даже руками всплеснула:

— Этого только не хватало! Какой стыдъ! Точно мы нищіе, и у насъ даже хлѣба нѣтъ! Чтобы ты никогда не смѣлъ этого больше дѣлать, Юра!

А то былъ еще случай. На кладбищѣ подчивали насъ коливомъ — нѣчто въ родѣ кутыи. Тутъ и рисъ, и медъ и еще что-то липкое, густое и сладкое. Наѣвшисъ коливомъ, я рѣшилъ взять этой благодати домой, про запасъ. Не долго думая, наложилъ въ фуражку липкаго мѣсва, фуражку на голову и айда къ себѣ! Результатъ получился довольно плачевный. Фуражку не безъ усилія удалось отодрать отъ головы, а мои густые волосы оказались обильно папوماженными коливомъ. Въ итогѣ мать учинила мнѣ двойную головомойку: иносказательно — словесную, и въ самомъ прямомъ значеніи — долго отмывала мои волосы горячей водой и мыломъ.

Я съ дѣтства отличался рѣдкимъ здоровьемъ, большой физической силой, порывистостью. Всегда мнѣ было тѣсно, всегда хотѣлось расправить какъ слѣдуетъ свое юное тѣло... На солнце, на море, вообще, на природу тянуло...

При такихъ данныхъ особенно усидчивымъ и старательнымъ школьникомъ никогда не будешь. Весьма преуспевая въ гимнастикѣ, я по части наукъ не особенно былъ гораздъ. Только русскій языкъ и графика плѣняли меня, (рисованіе и черченіе). Здѣсь я выдѣлялся и, посвяти я себя этому, изъ меня вышелъ бы недурной архитекторъ. Зато математика не давалась. Особенно высшая. И очень ужъ отвлеченно, и терпѣнія не хватало...

Учитель математики до трогательности сочувствовалъ мнѣ:

— Морфесси, другъ мой, и математика не въ ладахъ съ тобою, и ты не въ ладахъ съ нею... Лучше приналягъ на гимнастику. Вонъ у тебя плечи и грудь богатырскія!..

Убѣждать особенно не приходилось. Я и такъ часами работалъ на параллельныхъ брусьяхъ, на кольцахъ и вертѣлся на трапеціи всевозможными «солнцями».

Мои дѣтскія развлечения? Циркъ, фокусники, бро-

дядей музей восковыхъ фигуръ съ неизмѣнно «умирающей» Клеопатрой.

Съ такимъ музеемъ восковыхъ фигуръ связано у меня первое столкновение, ослзательное, реальное, съ человѣческой подлостью. Неизгладимое впечатлѣніе! Дѣтская душа особенно воспримчива и чутка и къ дурному и къ хорошему. Позже мнѣ случилось быть жертвой безпредѣльной человѣческой гнусности, но никогда это не волновало и не возмущало меня до такой степени, какъ въ тотъ далекій, далекій осенній день, когда мама торжественно дала мнѣ рубль на посещение «музея». Иду я, ногъ подъ собой не чувствуя отъ предвкушаемаго удовольствія... На Дерibasовской останавливаетъ меня господинъ, тогда показавшійся мнѣ образцомъ элегантности...

Улыбнулся искательно, дружески.

— Ты куда, малышъ, торопишься?

— Въ Музей восковыхъ фигуръ.

— А деньги у тебя есть?

— Есть! Мама рубль дала!

— А хочешь изъ одного рубля два сдѣлать?

— Хочу! — жадно проснулся во мнѣ воспитанникъ коммерческаго училища.

— Тогда живо давай мнѣ твой рубль, подожди меня за угломъ. Я тебѣ черезъ пять минутъ вынесу два, и мы вмѣстѣ пойдемъ въ Музей.

Проходитъ десять минутъ, двадцать..., цѣлый часъ, а господина нѣтъ, какъ нѣтъ... Холодно, замерзъ я... Но не въ холодѣ суть и не такъ жалко рубля, какъ досадно и больно, что господинъ, обманувъ дѣтское довѣріе мое, оказался жуликомъ....

Возвращаюсь домой въ слезахъ. Принесъ матери повинную. Ничего, отпустила новый рубль, но со строгимъ внушеніемъ — не только не давать денегъ людямъ незнакомымъ, но и, вообще, не вступать съ ними въ разговоры.

И я пошелъ въ Музей и видѣлъ Клеопатру, укушенную змѣей, видѣлъ «черепъ Александра Македонскаго въ молодости», видѣлъ Наполеона въ гробу...